

ТАЯ ГОРДЕЛИС

ФИКТИВНАЯ  
НЕВЕСТА ПО ЗАПАХУ

ИСЦЕЛИТЬ МЕДВЕДЯ

18+

Тая Горделис

**Фиктивная невеста по  
запаху. Исцелить медведя**

«Автор»

2026

**Горделис Т.**

Фиктивная невеста по запаху. Исцелить медведя / Т. Горделис —  
«Автор», 2026

— Вы станете невестой Ивана Зверева. — Главы медвежьего рода?! —  
Фиктивной. Всего на месяц. А взамен я помогу отстоять ваш диплом. Борис  
Опорин не солгал. Только не предупредил, что его друг почти не ходит, а  
медведя внутри себя семь лет считает мёртвым. Но стоило мне коснуться  
руки Ивана, зверь проснулся. Он уже нашёл меня по запаху и отпускать не  
собирается.

© Горделис Т., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| От автора                         | 5  |
| Глава 1                           | 6  |
| Глава 2                           | 12 |
| Глава 3                           | 20 |
| Глава 4                           | 28 |
| Глава 5                           | 35 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 38 |

**Тая Горделис**  
**Фиктивная невеста по**  
**запаху. Исцелить медведя**

**От автора**

**Иногда разбудить медведя оказывается проще, чем убедить  
его упрямого хозяина, что он всё ещё достоин любви.**

## Глава 1

— Хватит, Борис.

Иван произнёс это спокойно, хотя спокойствия в нём не осталось ещё после первого упоминания родового совета. Опорин прекрасно слышал предупреждение, но продолжал стоять у окна, сунув руки в карманы брюк, и смотрел во двор с таким упрямством, словно собирался простоять там до вечера.

— Нет, Вань, не хватит. Семь лет я слышу от тебя одно и то же и каждый раз ухожу, потому что тебе больно, тяжело или ты опять не спал всю ночь, — Борис обернулся и нахмурился. — Я больше никуда не уйду.

— Тогда сядь и помолчи. Ты загораживаешь мне свет.

— На улице пасмурно, а лампа стоит у тебя справа. Придумай что-нибудь убедительнее.

Иван посмотрел на друга и едва удержался от желания вызвать охрану. Приказ выпроводить заместителя из дома получился бы особенно эффектным, учитывая, что именно Борис подбирал охрану, платил ей и заранее запретил выполнять распоряжения хозяина, если они касались его самого. Сволочь предусмотрительная.

— Мне через двадцать минут выходить на связь с советом, — напомнил Иван. — Если тебе нечем заняться, проверь документы по участку в Речном.

— Я проверил их утром и отправил тебе заключение. Ты его даже открыл, хотя мне потом заявил, что не собираешься заниматься делами.

— Открыл и закрыл.

— И оставил двенадцать замечаний на полях.

Борис наконец отошёл от окна, подтащил кресло к столу и сел напротив. За семь лет в его волосах прибавилось седины, но она почти терялась среди тёмно-русых прядей, а светло-карие глаза по-прежнему казались добродушными даже в минуты, когда он был готов сцепиться с Иваном.

Сейчас добродушия хватило бы разве что на приветствие. Для дальнейшего разговора Опорин припас привычное упрямство.

— Ты всё ещё глава рода, Вань. Ты читаешь каждый договор, контролируешь счета и помнишь о делах, про которые я сам успеваю забыть. Давай уже прекратим этот цирк с отречением.

— Я провожу одно заседание в месяц по видеосвязи и подписываю то, что ты мне приносишь, — Иван опустил ладонь на подлокотник кресла и прижал большой палец к тёмной коже. — Родом управляешь ты.

— Я веду текущие дела. Решения принимаешь ты.

— Значит, давно пора узаконить то, что и так происходит.

— Передать мне титул? С ума сошёл уже?!

— Тому, кого выберет совет.

Борис откинулся на спинку кресла и несколько секунд молча рассматривал друга. Иван знал это выражение: сейчас Опорин перебирал доводы, отбрасывал дипломатичные и выбирал тот, который сильнее разозлит.

— Совет не станет выбирать нового главу, пока жив прежний, — сказал Борис. — Особенно когда прежний находится в здравом уме и прекрасно справляется со своими обязанностями.

— Для главы рода одного здравого ума мало.

— Опять медведь...

— Для тебя это новость?

— Для меня это удобная отговорка, которой ты пользуешься семь лет!

Иван резко подался вперёд, опираясь обеими руками на подлокотники. Боль сразу поднялась от поясницы вдоль позвоночника, мышцы ног напряглись и мелко задрожали, но он удержал корпус и посмотрел Борису в глаза.

— Следи за словами.

— А что ты сделаешь? Выгонишь меня?

— Могу.

— Сам даже дверь не откроешь.

Иван оттолкнулся от подлокотников прежде, чем успел подумать. Тело поднялось на несколько сантиметров и тут же перестало подчиняться, ноги ослабли, а боль ударила в поясницу и правое бедро. Он тяжело рухнул обратно в кресло, чувствуя, как рубашка прилипла между лопаток, и с ненавистью посмотрел на Бориса.

Друг не двинулся с места. Он только подался вперёд и держал руки на коленях, готовый подхватить, если Иван начнёт падать.

— Убирайся, — приказал тот. — Пока я действительно не позвал охрану.

— Зови. Посидим втроём и обсудим, кто из нас лучше умеет выполнять твои приказы.

— Я сказал, убирайся!

— А я сказал, что сегодня не уйду! Хочешь орать — ори, тебе полезно. Может, хоть кровь быстрее побежит.

— Моей крови не требуется твоя помощь!

— Ей, может, и не требуется, зато тебе давно нужна хорошая встряска.

Борис поднялся и налил воды из графина, стоявшего на краю стола. Иван не просил, однако друг поставил стакан перед ним и снова сел, не проявив ни жалости, ни смущения.

Зверев ненавидел, когда кто-то видел его попытки встать. Прислуга знала, когда следует отвернуться, охрана сохраняла бесстрастные лица, врачи давно научились подбирать осторожные слова. Борис один продолжал смотреть прямо и не позволял сделать вид, что ничего не случилось.

— Ты именно этого добивался? — Иван взял стакан и сделал несколько глотков. — Хотел ещё раз убедиться, что я не способен дойти до двери?

— Я хотел, чтобы ты хотя бы попробовал.

— Полюбуйся на результат.

— Полюбовался. Ты поднялся.

— На пару сантиметров.

— Вчера ты даже не пытался.

Иван поставил стакан на стол с такой силой, что вода выплеснулась на пальцы. Борис перевёл взгляд на мокрое пятно и усмехнулся.

— Осторожнее. Милана узнает, что ты испортил стол, и заставит меня привезти сюда салфетки.

— Твоя жена не заведует моим домом.

— Передай ей это лично. Я хочу посмотреть.

Невольная улыбка тронула губы Ивана, но он сразу отвернулся к окну. Борис заметил её и довольно хмыкнул, однако развивать успех не стал.

За стеклом моросил дождь, по дорожке к гаражу бежал охранник, прикрывая голову папкой. Поместье жило без участия хозяина: приезжали машины, люди разгружали продукты, садовники убирали опавшие листья. Сам Иван месяцами не покидал жилое крыло и кабинет, хотя когда-то мог за день объехать несколько предприятий, провести два заседания и вернуться домой далеко за полночь.

Теперь делами занимался Борис. Иван читал отчёты, правил договоры и появлялся в экране перед советом, заранее поставив камеру так, чтобы никто не видел кресло и неподвижные ноги.

Опорин называл это работой главы. Иван считал затянувшимся прощанием.

— Ратников снова спрашивал, когда ты приедешь, — произнёс Борис. — Он согласился перенести следующее заседание ещё на месяц, но предупредил, что совету надоело общаться с твоей головой на мониторе.

— Значит, пусть смотрят ниже. Галстук на мне тоже дорогой.

— Иван.

— Что?

— Они начинают сомневаться.

— И правильно делают.

Борис резко выпрямился, а улыбка окончательно исчезла с его лица.

— Чему ты радуешься? Ратников пока держит совет и не позволяет обсуждать передачу полномочий. Он защищает тебя, хотя ты шесть лет не пускаешь его дальше гостиной и выходишь к нему только по экрану.

— Я его об этом не просил.

— Он был другом твоего отца.

— Именно поэтому он должен понимать, что роду нужен полноценный глава.

— Полноценный — это какой? — Борис поднялся и прошёлся вдоль стола, удерживая себя от крика. — Который бежит быстрее остальных? Может разорвать медведя голыми руками? Лично обнюхивает каждую женщину в роду и заодно проверяет, кто из детей уже способен обратиться?

— Не передёргивай.

— Тогда объясни мне, что ты вкладываешь в это слово. Ты соображаешь, управляешь холдингом, принимаешь решения и заставляешь взрослых мужиков заикаться через экран. Твои ноги не имеют отношения к власти!

— Медведь имеет.

— Мы не знаем, что с ним!

— Я знаю.

— Ты ничего не знаешь!

— Я не чувствую его семь лет! — рявкнул Иван и с силой ударил ладонью по подлокотнику. — Ни голода, ни ярости, ни желания вырваться. Ничего! Там пусто, Борь. Совсем пусто.

Он прижал кулак к груди, хотя боль находилась глубже и прикосновением до неё было не добраться. После нападения Иван неделями ждал хотя бы слабого движения зверя, мысленно звал его, провоцировал и доводил себя до бешенства. Он соглашался на лекарства, ритуалы и эксперименты, позволял незнакомым специалистам лезть в голову, пока один из них не попытался насильно вызвать обращение.

Иван тогда едва не умер. Медведь не отозвался и после этого.

— Он принял удар на себя, — продолжил Иван тише. — Оружие было направлено на зверя, и ты это знаешь.

— Я знаю, что произошло. Я был там.

— Тогда прекращай повторять эту чушь.

— Мой медведь тоже молчал после нападения.

— Тебя задело краем.

— Я четыре месяца не мог обратиться!

— А потом смог.

— Именно!

Борис упёрся ладонями в стол и наклонился к Ивану. Раньше они почти не уступали друг другу в росте, и при каждом серьёзном споре могли часами нависать над столом, ожидая, кто первым отступит. Теперь Ивану приходилось задирать голову, но отступать он так и не научился.

— Мой медведь вернулся, — произнёс Борис. — Твой тоже может вернуться, если ты перестанешь хоронить его каждый день.

— Твой зверь молчал всего четыре месяца. Мой молчит семь лет.

— Значит, ему требуется больше времени.

— Для чего? Чтобы передумать и воскреснуть?

— Он не умер!

— Откуда ты знаешь?!

— Потому что я видел его в тот день! Видел, как он закрыл меня собой и продолжал драться после удара. Такой зверь не мог сдохнуть, пока человек остался жив!

— И ты называешь это жизнью?!

Борис выпрямился и сжал край стола, а Иван сразу пожалел о сказанном. На лице друга отразилась боль, которую тот обычно прятал за шутками и бесконечными попытками расшевелить его.

— Вот, значит, как ты думаешь, — тихо проговорил Борис. — Все эти годы ты считаешь, что я сохранил тебе жизнь зря.

— Ты ничего мне не сохранял. Я сам решил вытащить тебя.

— И получил удар, предназначенный мне!

— Он предназначался любому из нас. Я оказался ближе.

— Ты успел оттолкнуть меня и обратиться!

— Потому что так было быстрее.

— Ты закрыл меня собой, Вань!

Борис ударил ладонью по столу, и стакан подпрыгнул. В коридоре слышались шаги охранника, но никто не вошёл: люди в доме привыкли к их ссорам и знали, что вмешательство хозяин не простит.

— Сколько ещё ты собираешься расплачиваться за то, что я тогда выжил? — спросил Иван. — Я сделал выбор и не жалею о нём. На этом всё.

— Для тебя, может, всё. Мне приходится каждый день смотреть, как ты отказываешься от жизни, которую спас мне.

— Я не отказываюсь.

— Ты не выходишь из дома. Никого к себе не подпускаешь, разговариваешь с родом по видеосвязи и пытаешься отдать власть первому подходящему медведю. Ты уже врачей видеть не можешь, потому что заранее решил, что никто тебе не поможет!

— Они и не помогли.

— Прежние не помогли, значит, надо искать других!

— Не надо.

— Надо!

— Борь, я запретил привозить сюда очередных шарлатанов.

— Все специалисты, которые тебе не нравятся, автоматически становятся шарлатанами.

— Один собирался привязать меня к столу и вызвать обращение болью.

— Я сломал ему нос и вышвырнул из дома. Ты прекрасно помнишь, чем всё закончилось.

— Поэтому оставь поиски. Я устал от людей, которые обещают вернуть мне зверя и делают удивлённые рожи, когда ничего не получается.

Борис отошёл от стола и снова остановился у окна. Его плечи опустились, но Иван слишком хорошо знал друга и понимал, что тот ещё не сдался.

— Я тоже устал, — признался Опорин. — Устал приезжать сюда и гадать, откроешь ты сегодня дверь или прикажешь сказать, что спишь. Устал врать совету, партнёрам и Милане, хотя она всё равно знает, когда я вру. Мне надоело придумывать причины, по которым глава рода не может приехать на день рождения ребёнка, на свадьбу или на похороны старейшины.

— Поэтому перестань врать.

— И что мне сказать? Что Иван Зверев решил лечь и умереть, но делает это достаточно медленно, чтобы мы все успели насмотреться?

— Скажи, что глава больше не способен исполнять обязанности.

— Это будет ложью.

— Ты и так врешь.

Борис повернулся и несколько секунд смотрел на него. Иван выдержал его взгляд, хотя после неудачной попытки встать ноги продолжали дрожать, а боль поднималась к спине с каждым вдохом.

— Я не отдам твоё место никому, — сказал Борис. — Можешь снять меня с должности, выгнать из холдинга и запретить появляться в доме. Пока я остаюсь твоим заместителем, род будет ждать возвращения главы.

— Когда ты успел решить, что имеешь право распоряжаться моим титулом?

— В тот день, когда ты распорядился моей жизнью и вытащил меня из-под удара.

— Я спас друга, а не купил вечного надзирателя!

— Поздно жаловаться. Надо было оставить меня там.

Иван выругался и отвернулся. Борис получил желаемое: прекратить разговор после этих слов означало согласиться, что спасать его не стоило.

— Ты безмозглый упрямый медведь, — процедил Иван. — И я понятия не имею, как Милана терпит тебя столько лет.

— Она меня любит, — Борис улыбнулся, но улыбка быстро исчезла. — Наверное, поэтому я и выбрался.

Иван снова посмотрел на друга. Тот говорил без привычного веселья и впервые за весь разговор не пытался спорить.

— Когда мой зверь молчал, я тоже думал, что потерял его, — продолжил Борис. — Просыпался и звал, пока голова не начинала раскалываться. Врачи говорили ждать, а я каждый день боялся, что внутри больше никого нет. Милана ложилась рядом, клала мою руку себе на живот и рассказывала, что мы будем делать летом, осенью, через год. Я не верил, но слушал. Однажды медведь заворчал, потому что она собралась выйти из спальни без меня.

— Тебе повезло.

— Да. Мне очень повезло.

— Ты знал, ради чего бороться.

Борис замер, а Иван взял стакан и допил воду. Говорить больше было не о чем. У друга оставалась Милана, дом, наполненный её голосом, и будущее, которое она ежедневно строила для них обоих, пока Борис лежал после нападения и учился заново владеть телом.

Иван возвращался в пустой дом. Отец к тому времени умер, мать жила за границей и много лет не интересовалась делами рода, а женщины, которые прежде охотно искали его внимания, исчезли сразу после первых слухов о состоянии главы.

Он их не винил. Никому не нужен мужчина, которого приходится поднимать с постели, поддерживать в душе и усаживать в кресло.

— Ты думаешь, что бороться можно только ради женщины? — спросил Борис. — У тебя есть род. Есть дело отца, есть люди, которые тебе верят, и есть я, в конце концов.

— Ты меня утомляешь.

— Зато регулярно.

— Этого недостаточно.

— Для начала хватит и меня.

Иван прикрыл глаза и провёл ладонью по аккуратно подстриженной щетине. Бриться сам он мог, одеваться тоже научился без посторонней помощи, а пересест из кровати в кресло получалось теперь почти всегда. Окружающие называли это успехом. Для мужчины, способ-

ного раньше обратиться за пару секунд и одним ударом переломить противнику позвоночник, подобные достижения звучали издевательством.

— Через пятнадцать минут заседание, — напомнил он. — Приведи себя в порядок и садись рядом.

— Ты согласен обсудить возвращение?

— Я согласен обсудить участок в Речном.

— Уже победа.

— Ещё слово, и будешь обсуждать его из коридора.

Борис поправил пиджак и направился к двери. Возле порога он остановился, взялся за ручку и посмотрел на Ивана.

— Я всё равно тебя не брошу, Вань. Можешь злиться сколько угодно, но смириться и тихо исчезнуть у тебя не получится.

— Иди к чёрту.

— После заседания. Сейчас у нас Речное.

Дверь закрылась, и Иван остался один. Он посмотрел на свои ноги, поставил ладони на подлокотники и снова напряг мышцы, пытаясь подняться хотя бы на несколько секунд.

Боль сразу вернулась. Ноги задрожали, кресло скрипнуло под его весом, а тело поднялось совсем немного и рухнуло обратно.

Иван тяжело выдохнул, расправил рубашку и придвинул ноутбук. Через несколько минут на экране появятся члены совета, и каждый увидит прежнего Ивана Зверева: собранного, ухоженного и способного одним вопросом заставить докладчика забыть подготовленную речь.

Камера не покажет ноги. Остальное он пока мог удержать сам.

## Глава 2

Александра сидела на жёстком стуле перед длинным столом и старалась не смотреть на папку со своей фамилией. За последние сорок минут председатель комиссии открыл её уже трижды, перелистал одни и те же страницы и каждый раз возвращался к заключению клиники, где Саша проходила практику.

Положительный результат занимал две страницы. Перечень нарушений оказался вдвое длиннее.

— Александра Сергеевна, вы понимаете, почему находитесь здесь? — спросил председатель.

Пожилой оборотень с седыми волосами говорил ровно и не повышал голоса. Табличка перед ним сообщала, что зовут его Виктором Леонидовичем Гранатовым, хотя Саша прекрасно знала его имя и последние две недели видела во сне вместе с печатью профессиональной комиссии.

— Понимаю, — сказала она. — Я изменила программу восстановления пациента без разрешения руководителя практики.

— Вы не просто изменили программу. Вы отказались выполнять назначения ведущего специалиста, самостоятельно прекратили медикаментозную стимуляцию зверя и применили методику, которая не проходила клинических испытаний.

— После каждой стимуляции состояние пациента ухудшалось. Я указала это во всех отчётах.

Женщина, сидевшая слева от председателя, придвинула к себе несколько листов. На её табличке значилось: «Л. А. Берестова, специалист по восстановлению связи со зверем».

— Ухудшение было ожидаемой реакцией, — произнесла Берестова. — В документах прямо указано, что после процедуры возможны боль, повышенная агрессия, бессонница и временная потеря контроля.

— У него начинались судороги, поднималась температура и пропадала чувствительность в ногах. После третьей процедуры он вообще перестал вставать.

— Поэтому требовалось скорректировать дозировку.

— Её увеличили.

Берестова нахмурилась и посмотрела в бумаги. Саша знала, какую строку она ищет, и заранее открыла копию истории болезни на нужной странице.

— Вот назначение заведующего отделением, — сказала Александра и положила лист на край стола. — После ухудшения дозу увеличили на четверть и назначили четвёртую процедуру через двое суток. Я просила перенести её и провести обследование, но заведующий отказал.

— И тогда вы решили, что вправе отменить его назначение, — заметил третий член комиссии.

Его имя Саша не запомнила. Он почти не задавал вопросов, однако каждую её реплику встречал недовольным движением бровей и записывал что-то в блокноте.

— Пациент отказался от процедуры, — уточнила она. — Я объяснила ему возможные последствия, после чего он подписал отказ.

— Форму составляли вы?

— Да. Стандартной формы для такого случая в клинике не оказалось.

— Вам не кажется странным, что практикантка готовит документы для отказа от лечения, назначенного заведующим отделением?

— Мне кажется странным, что в клинике не оказалось документа, который пациент имеет право подписать.

Председатель поднял на неё глаза поверх очков. Саша выдержала его взгляд и положила руки на колени, чтобы никто не заметил, как дрожат пальцы.

Она готовилась к этому заседанию десять дней. Перечитала историю болезни, собрала копии анализов и выписала даты каждой процедуры, хотя могла назвать их по памяти. Несколько раз проговорила объяснения перед зеркалом и пообещала себе, что не станет оправдываться за результат, к которому пациента привела именно её работа.

Уверенность закончилась, когда секретарь закрыл за ней дверь. Остались четыре члена комиссии, толстая папка и понимание, что эти люди могут перечеркнуть пять лет учёбы одним решением.

— Продолжайте, — сказал Гранатов. — После отказа от назначенной процедуры пациент должен был покинуть клинику.

— Его собирались выписать на следующий день.

— Однако он оставался в отделении ещё две недели.

— У него не было условий для восстановления дома. Он жил один на четвёртом этаже без лифта и к тому времени не мог подняться с кровати без помощи.

— Поэтому вы оставили его в палате самовольно?

— Свободные места были, а оплату он внёс.

— Разрешение заведующего?

— Я получила согласие дежурного врача на три дня. Потом он продлевал его ещё несколько раз.

Мужчина с блокнотом перелистал документы и постучал ручкой по столу.

— Дежурный врач утверждает, что вы сообщили ему о согласовании с заведующим отделением.

— Нет. Я сказала, что заведующий знает об отказе пациента от стимуляции.

— Он воспринял ваши слова иначе.

— Я не могу отвечать за то, как он их воспринял.

— Вы очень уверенно рассуждаете для человека, который ещё не получил диплом, — вмешалась Берестова. — Молодые специалисты часто принимают удачное совпадение за доказательство своей правоты.

— Диплом я получила три месяца назад.

— Окончательное решение о подтверждении квалификации ещё может быть пересмотрено.

Саша почувствовала, как пальцы сильнее вдавились в ткань юбки, и заставила себя разжать их. Угроза прозвучала вполне ясно, хотя Берестова произнесла её тем же ровным тоном, которым до этого перечисляла побочные реакции.

— Результаты обследований тоже совпадение? — спросила Александра.

— Мы сейчас обсуждаем ваши действия.

— Мои действия отражены в результатах. Через четыре дня после прекращения стимуляции температура нормализовалась, вернулась чувствительность, а пациент смог самостоятельно сесть. Через неделю он встал с опорой и прошёл шесть шагов. Все показатели зафиксированы врачом.

— Методика восстановления включает работу с телом, дыхательные упражнения и контакт со зверем, которого вы, будучи человеком, не можете ни увидеть, ни оценить.

Саша перевела взгляд на Берестову. У женщины блестели янтарные глаза, а под спокойным голосом ощущалось недовольное движение зверя. Другой оборотень мог не заметить его за привычным контролем, однако Саша с детства чувствовала то, что находилось внутри человека.

Об этом даре она старалась не говорить. В институте её считали наблюдательной, пациенты удивлялись точности вопросов, а преподаватели советовали не доверять интуиции и чаще сверяться с приборами.

Она и сверялась. Приборы показывали пульс, давление и реакцию нервов, а скрытый зверь подсказывал, когда оборотень готов сделать ещё один шаг и когда прикосновение причинит ему вред.

— Я не пыталась увидеть зверя, — сказала Александра. — Я наблюдала за реакциями пациента и меняла нагрузку, когда его состояние ухудшалось.

— Каким образом вы определяли ухудшение до изменения основных показателей?

— По напряжению мышц, дыханию, реакции на прикосновения и поведению.

— И каждый раз угадывали?

— Я делала выводы.

— Без достаточного опыта.

— Опыт не появится, если запрещать специалисту думать.

Мужчина с блокнотом шумно выдохнул, а секретарь у стены перестала печатать и подняла голову. Гранатов снял очки и устало потёр переносицу.

— Александра Сергеевна, комиссия не обвиняет вас в отсутствии способностей, — сказал он. — В материалах есть положительные отзывы преподавателей и пациентов. Ваши действия оцениваются с точки зрения профессиональных правил, которые существуют для безопасности больных.

— Я понимаю.

— Тогда почему вы их нарушили?

— Потому что соблюдение назначенной программы вредило пациенту.

— Это должны были решать не вы.

— Я обращалась к руководителю практики и заведующему отделением. Они отказались пересматривать лечение, а четвёртая стимуляция могла лишить пациента возможности ходить.

— Вы не могли знать этого наверняка.

— Они тоже не знали, что процедура безопасна.

Берестова придвинулась к столу и сложила руки перед собой.

— Врачебная практика всегда связана с риском. Решения принимают специалисты, обладающие знаниями и полномочиями, а практиканты обязаны исполнять назначения и сообщать о наблюдениях.

— Я сообщала. Мои записи есть в истории болезни.

— После этого вы должны были остановиться.

— И смотреть, как ему становится хуже?

— Вы должны были соблюдать правила!

— Даже если пациент после них не встанет?

Голос Саши всё-таки дрогнул. Она замолчала, прикусила щёку изнутри и заставила себя медленно вдохнуть, пока председатель снова открывал папку.

Злиться сейчас было опасно. Эти люди не видели палаты, в которой взрослый медведь после каждой стимуляции часами лежал, вцепившись пальцами в матрас, и просил выключить свет, потому что любое движение вокруг усиливало боль. Они читали отчёты и обсуждали допустимые реакции, а Саша помнила его страх перед четвёртой процедурой.

— Пациент дал письменное согласие на вашу методику? — спросил Гранатов.

— Да. В папке есть копия.

— В согласии перечислены риски?

— Все, которые мы могли предположить. Возможное усиление боли, потеря чувствительности, судороги, нарушение связи со зверем и дальнейшее ухудшение двигательных функций.

— Кто присутствовал при подписании?

— Дежурный врач и медсестра.

— Они утверждают, что не были ознакомлены с полной программой.

— Программа находилась у них перед глазами. Медсестра прочитала её целиком и задала два вопроса.

— Чем вы можете это подтвердить?

Саша открыла свою папку, достала телефон и положила рядом с листами. Секретарь сразу поднялась и протянула руку, но председатель остановил её.

— Что там? — спросил он.

— Аудиозапись разговора. Я включила диктофон перед обсуждением программы и предупредила всех присутствующих. На записи слышны их согласие, вопросы медсестры и ответ дежурного врача.

Берестова посмотрела на мужчину с блокнотом, затем на председателя. Гранатов снова надел очки и протянул руку.

— Передайте запись секретарю. Комиссия приобщит её к материалам.

— Конечно.

Саша разблокировала телефон, нашла нужный файл и отправила его на адрес, который продиктовала секретарь. Несколько минут в комнате слышались только щелчки клавиш и шелест страниц.

— Почему вы не передали запись раньше? — спросил мужчина с блокнотом.

— У меня её не запрашивали.

— Вы могли приложить её к объяснительной.

— В объяснительной требовалось изложить последовательность действий и перечислить свидетелей. Я это сделала.

Он снова записал что-то в блокнот, но на этот раз его брови остались на месте. Саша не позволила себе радоваться. Даже если комиссия признает, что сотрудники клиники пытались переложить на неё ответственность, нарушение протокола никуда не исчезнет.

— Перейдём к самой методике, — сказал Гранатов. — Вы представили описание на двадцати семи страницах. Когда она была разработана?

— Основные упражнения я подбирала во время учёбы. Полную программу составила на практике после знакомства с пациентом.

— То есть она создавалась для одного человека?

— Да. Я учитывала его травмы, состояние мышц, прежние реакции на лечение и изменения контакта со зверем.

— Каким образом человек оценивает контакт оборотня со зверем?

Этот вопрос задавали уже в третий раз, меняя формулировки и порядок слов. Саша понимала причину: признайся она в своём даре, комиссия потребует подтверждений, испытаний и заключений, которых у неё не было. Дар не давал ей права лечить и не освобождал от необходимости доказывать каждое решение.

— Пациент описывал свои ощущения, — сказала она. — Я сопоставляла их с физическими реакциями и результатами обследований.

— В записях указано, что вы прекращали упражнения за несколько секунд до появления спазма. Так происходило восемь раз.

— Да.

— Пациент заранее предупреждал о боли?

— Не всегда.

— Тогда на что вы ориентировались?

— Менялось дыхание, напрягались мышцы живота и появлялся тремор в пальцах. После первых занятий я уже знала, что следом начинается спазм.

Берестова перелистала копии её записей и остановилась на таблице наблюдений.

— Здесь указано, что на шестом занятии вы увеличили нагрузку, хотя частота пульса превысила установленное значение.

— Пульс участился из-за реакции зверя. Пациент почувствовал его после долгого перерыва и разволновался.

— Вы снова делаете вывод, который не могли проверить.

— Пациент сам сказал, что слышит зверя.

— Возбуждение и сильная физическая нагрузка способны вызвать ложные ощущения.

— Спустя два дня он обратился.

Члены комиссии переглянулись. Они знали об обращении, оно было указано в заключении, однако произнесённые вслух слова на несколько секунд лишили их подготовленных вопросов.

Саша помнила тот день до мелочей. Пациент стоял у окна, держась за поручень, и внезапно закричал, чтобы она отошла. Она успела закрыть дверь и вызвать дежурного врача, прежде чем человеческое тело начало меняться.

Медведь появился посреди палаты, огромный, растерянный и такой слабый, что сразу опустился на пол. Саша села в нескольких шагах и разговаривала с ним, пока он не успокоился. Через десять минут зверь исчез, а мужчина плакал и не стеснялся медсестры, врача и Саши.

— Первое обращение длилось девять минут, — произнесла Берестова. — После него пациент двое суток восстанавливался.

— Ему требовался отдых. Следующее обращение через неделю прошло без осложнений.

— Это не отменяет риска.

— Не отменяет.

— И вы всё равно считаете своё решение правильным?

Саша посмотрела на папку. Можно было сказать то, чего от неё ждали: признать ошибку, сослаться на молодость и пообещать никогда больше не отступать от назначений старшего специалиста. Возможно, тогда ей объявят выговор, назначат повторную аттестацию и позволят через несколько месяцев вернуться к работе.

Она представила другого пациента, которому стандартная программа станет причинять вред. Представила, как снова будет писать докладные и ждать решения, пока человек теряет возможность двигаться.

— Я считаю правильным результат, — сказала Александра. — Я должна была раньше потребовать письменный отказ заведующего пересмотреть лечение и обратиться в комиссию клиники. Тогда я этого не сделала, и за нарушение порядка готова отвечать. Отказаться от пациента и позволить провести четвёртую стимуляцию я всё равно не смогла бы.

— Вы понимаете, что с таким отношением не имеете права работать под руководством другого специалиста? — спросил мужчина с блокнотом.

— Я умею выполнять назначения, если они помогают пациенту.

— Значит, решать будете вы?

— Я хочу иметь право задавать вопросы и получать на них ответы.

— В медицине существует подчинение.

— Пациенту от него лучше не стало.

Берестова закрыла папку и придвинула её к председателю. Саша увидела раздражение в её глазах и почувствовала, как зверь внутри женщины беспокойно шевельнулся, но спорить дальше не стала.

Гранатов снял очки и посмотрел на остальных членов комиссии. Они обменялись несколькими фразами вполголоса, после чего секретарь поднялась и открыла дверь.

— Александра Сергеевна, подождите в коридоре, — попросил председатель. — Нам потребуется время для обсуждения и прослушивания записи.

— Сколько примерно?

— Не могу сказать. Вас пригласят.

Саша собрала бумаги, убрала телефон и вышла. В коридоре стояли два ряда пустых стульев, на стене висели стенды с правилами повышения квалификации, а возле окна гудел старый кулер.

Она села у двери и открыла папку. Перечитывать документы не имело смысла, но руки требовалось чем-то занять, иначе дрожь станет заметной даже секретарю.

Дома на столе лежал новый ежедневник, купленный после защиты диплома. Саша собиралась записывать в него имена пациентов, планы занятий и результаты, а успела внести только адрес комиссии и время заседания.

Дверь открылась почти через час. Секретарь назвала её имя и посторонилась, пропуская внутрь.

Члены комиссии сидели на прежних местах. Телефон лежал рядом с папкой, а мужчина с блокнотом больше ничего не записывал.

— Присаживайтесь, Александра Сергеевна, — сказал Гранатов. — Мы изучили дополнительные материалы и приняли предварительное решение.

Саша села и сцепила пальцы на коленях.

— Комиссия учла положительный результат лечения, письменное согласие пациента и предоставленную вами запись, — продолжил председатель. — Обвинение в сокрытии программы от дежурного врача будет исключено из материалов. Действия сотрудников клиники рассмотрят отдельно.

— Спасибо.

— При этом факт нарушения вами утверждённого протокола и превышения полномочий подтверждён. Вы самостоятельно отменили назначенное лечение, разработали и применили программу, которая не проходила проверку, и продолжили работу после прямого распоряжения руководителя практики.

— Я не отменяла лечение сама. Пациент подписал отказ.

— Вы подготовили этот отказ и убедили его выбрать другую программу.

— Я предложила вариант. Решение принял он.

— С точки зрения правил ответственность всё равно лежит на вас, — вмешалась Берестова. — Пациент находился в тяжёлом состоянии и доверял человеку, который обещал ему восстановление.

— Я ничего ему не обещала!

— Вы дали надежду.

— И он начал ходить!

Гранатов поднял руку, прекращая спор. Саша замолчала и посмотрела на председателя.

— Положительный результат будет учтён, — сказал он. — Однако он не позволяет комиссии закрыть глаза на допущенные нарушения. До завершения разбирательства ваш допуск к работе с оборотнями приостанавливается.

Саша почувствовала, как похолодели пальцы. Она знала, что такое решение возможно, готовилась услышать его и всё равно не смогла сразу подобрать слова.

— На какой срок? — спросила она.

— До заключения аттестационного совета.

— Когда он состоится?

— Материалы передадут в течение пяти рабочих дней. Дату назначает совет, обычно рассмотрение занимает от одного до трёх месяцев.

— Всё это время я не смогу работать?

— Вы не сможете вести самостоятельную практику и работать с оборотнями в государственных или частных клиниках.

— А с людьми?

— Ваш диплом подтверждает специализацию по восстановлению оборотней после тяжёлых травм. Для работы с людьми потребуется отдельный допуск, которого у вас нет.

— Значит, я вообще не смогу работать по профессии?

— До решения совета.

Саша посмотрела на лежащие перед председателем документы. Пять лет учёбы, практика, экзамены и защита диплома превратились в папку, которую через несколько дней передадут другим людям.

— Что может решить аттестационный совет? — спросила она.

Гранатов снял очки и аккуратно положил их на стол.

— Назначить повторную аттестацию, ограничить допуск, потребовать прохождения дополнительной практики под контролем другого специалиста или отозвать квалификацию. В случае выявления нарушений при защите вашей работы материалы могут направить в учебное заведение для пересмотра решения о выдаче диплома.

— Каких нарушений при защите?

— Ваша дипломная работа частично посвящена той же методике. Совет проверит, насколько полно вы указали, что она не прошла испытания.

— Это указано на первой странице и в выводах.

— Тогда вам нечего опасаться по этому пункту.

Саша перевела взгляд на Берестову. Женщина спокойно складывала бумаги и больше не смотрела в её сторону.

— Я могу представить результаты пациента аттестационному совету? — спросила Александра. — Его обследования, заключения врачей и письменные показания?

— Можете. Пациент также имеет право присутствовать на заседании, если совет сочтёт это необходимым.

— Он готов прийти.

— Решение о вызове принимает совет.

— А до заседания я могу работать под контролем специалиста?

Гранатов посмотрел на секретаря, та открыла нужный документ и передала ему один лист.

— Только в рамках закрытой частной программы под ответственностью организации или рода, имеющего медицинскую лицензию, — сказал председатель. — Руководитель такой программы должен заранее предоставить ваши обязанности, сведения о пациенте и гарантии контроля. Комиссия рассмотрит заявление отдельно.

— То есть возможность есть?

— Формально да. На практике мало кто возьмёт на себя подобную ответственность до решения совета.

Саша кивнула и поднялась. Ноги держали, хотя колени казались чужими, а пальцы по-прежнему плохо слушались.

— Где я должна расписаться?

Секретарь положила перед ней протокол и указала две строки. Александра внимательно прочитала каждую страницу, отметила, что не согласна с оценкой необходимости изменения лечения, поставила подписи и забрала свою копию.

— Вы можете обжаловать предварительное решение в течение десяти рабочих дней, — напомнил Гранатов. — Порядок указан на последней странице.

— Я обжалую.

Берестова подняла глаза от документов.

— Советую сначала подумать, Александра Сергеевна. Признание ошибок и готовность соблюдать правила могут повлиять на окончательное решение.

— Я признала нарушение порядка. Ошибкой лечение пациента не считаю.

— Именно поэтому мы вынуждены сомневаться в вашей профессиональной зрелости.

Саша застегнула папку и прижала её к груди. Хотелось высказать всё, что она думала о зрелых специалистах, которые трижды повторили опасную процедуру и запланировали четвёртую, но эти слова уже ничего не изменили бы.

— Пациент пришёл в клинику на своих ногах через месяц после выписки, — сказала Александра. — Надеюсь, совет тоже учтёт этот результат.

Она попрощалась и вышла в коридор. Секретарь закрыла за ней дверь, а Саша дошла до окна и остановилась, глядя на мелкий дождь.

Телефон лежал в сумке, и через несколько минут придётся позвонить пациенту, преподавателю и хозяйке квартиры, которой она обещала внести оплату до конца недели. Сначала нужно было сообщить, что работать она пока не может, затем попросить помощи с обжалованием и придумать, где взять деньги.

Александра медленно опустилась на стул и положила папку рядом. Плакать здесь она не собиралась, возвращаться к комиссии и просить прощения тоже.

У неё оставались десять рабочих дней и право доказать, что человек, которого все считали безнадёжным, ходит благодаря её решению.

## Глава 3

Борис приехал через два дня без предупреждения и поднялся в кабинет, не дожидаясь, пока охрана доложит о его появлении. Иван услышал шаги в коридоре, закрыл отчёт и успел развернуть кресло к двери за секунду до того, как Опорин вошёл с папкой под мышкой.

— Ты опять забыл, что у меня есть телефон? Позвонить перед приездом не позволяет религия или отсутствие воспитания?

— Помнишь Андрея Мельникова? Лет десять назад его придавило плитой на стройке складского комплекса.

Иван помнил. Мельников тогда руководил одной из бригад, заметил трещину в перекрытии и успел вытолкнуть двоих рабочих, прежде чем конструкция обрушилась. Его медведь принял часть удара, иначе Андрей погиб бы на месте, но позвоночник всё равно пострадал, а восстановление затянулось на годы.

После нескольких операций Мельников научился вставать с поддержкой и мог сделать несколько шагов, держась за поручни, однако самостоятельно так и не пошёл. Большую часть времени он проводил в кресле, быстро уставал и почти не чувствовал зверя. Иван видел его на одном из родовых собраний незадолго до нападения и потом несколько раз спрашивал о состоянии. Врачи не обещали значительных улучшений, а со временем Борис перестал упоминать его среди тех, кому требовалась помощь рода.

— Помню, — ответил Иван. — Что случилось?

— Он ходит, Вань. Сам! И снова обращается.

Иван посмотрел на папку под рукой друга и закрыл ноутбук. Борис подошёл к столу, положил перед ним документы и сел, сохраняя серьёзное выражение лица, которое совершенно не вязалось с блеском в светло-карих глазах.

— Не может быть!

— Я вчера разговаривал с ним по видеосвязи. Он прошёл через комнату без трости и посторонней помощи, а потом прислал запись обращения.

— Кто его лечил?

— Александра Крайнова. Двадцать три года, три месяца назад получила диплом реабилитолога оборотней и успела поработать с одним пациентом во время практики. Теперь комиссия приостановила её допуск и собирается передать дело аттестационному совету. Он из-за этого мне и позвонил.

— Удивительная карьера. Где здесь повод для твоего восторга?

— В результате, Вань. Андрей приехал в клинику в кресле, а благодаря ей встал на ноги! И впервые за много лет обратился! Понимаешь?

Иван открыл папку и просмотрел первые страницы. Выписки, результаты обследований, копии назначений и заключение о состоянии пациента лежали в строгом порядке, который выдавал работу секретаря Бориса. Сам Опорин сложил бы листы в одну кучу и уверял, что прекрасно помнит, где находится каждый документ.

— Откуда это у тебя?

— Андрей прислал часть, остальное утром получили мои люди. Я говорил с лечащим врачом, двумя медсёстрами и преподавателем Крайновой. Всё подтверждается.

— Кроме её права отменять чужое лечение.

— Да ничего она не отменяла. Андрей сам отказался от процедуры после того, как девчонка объяснила, чем та может закончиться.

— И предложила взамен непроверенную методику.

— Которая сработала, Вань!

Тот перелистал несколько страниц и задержался на снимках. Старое повреждение позвоночника выглядело тяжёлым, но давно зажившим, а последние обследования подтверждали, что нервы проводят импульсы и мышцы реагируют на нагрузку. Причины полной потери движения врачи описывали осторожно, перечисляя последствия травмы, длительное снижение активности и нарушения связи со зверем. Слишком знакомый список.

Он закрыл папку и придвинул её к Борису.

— Рад за Мельникова. Передай, что род оплатит адвоката для этой девушки, если он просит именно об этом.

— Он просит вмешаться и добиться честного рассмотрения! А я предлагаю другое.

— Даже не начинай.

— Ты ещё не знаешь, что я собираюсь предложить!

— Знаю. Ты не принёс бы мне медицинские документы, если бы собирался обсуждать чужую лицензию.

Борис подвинул папку обратно. Иван не коснулся её и посмотрел другу в глаза.

— Она тебе подходит, Вань. Крайнова работает с последствиями тяжёлых травм и с нарушением контакта между человеком и зверем. Она не пытается вызвать обращение силой и не обещает чудес.

— Ты уже с ней говорил?

— Пока нет.

— Тогда откуда знаешь, что она обещает?

— Андрей рассказал. Она сразу предупредила его, что может не получиться, и ни разу не потребовала терпеть боль ради результата. Когда тело переставало справляться, она останавливала занятие ещё до спазма, прикинь?

— Это всего один пациент.

— Один законченный курс. Она только выпустилась.

— Именно поэтому ты решил отдать ей меня? Пусть потренируется на главе рода, пока диплом совсем не отобрали?

Борис поморщился и откинулся на спинку кресла. Он явно ожидал отказа, но вряд ли рассчитывал, что Иван согласится обсуждать предложение дольше нескольких минут.

— Я предлагаю встретиться с ней и посмотреть документы, — возразил Опорин. — Никто не привяжет тебя к кушетке и не начнёт лечить без согласия.

— Встречаться я тоже не собираюсь.

— Андрей после разговора со мной прислал видео. Посмотри хотя бы его!

— Нет.

— Да почему?

— Потому что Мельников живёт со своей травмой десять лет, а у меня другая причина. Его медведь вернулся. Мой погиб.

— Ты два дня назад признал, что не знаешь этого наверняка.

— Я ничего подобного не признавал!

— Кричал, что не чувствуешь его! Это не одно и то же?

Иван развернул кресло к окну и с раздражением дёрнул край рубашки, сбившийся у пояса. Дождь закончился ещё утром, но серые облака висели над поместьем, а на дорожках блестели лужи. У гаража охранник разговаривал с водителем Бориса и поглядывал на окна кабинета, готовясь к очередной ссоре хозяина с незванным гостем.

— Я запретил тебе искать специалистов, — напомнил Иван. — В прошлый раз ты согласился оставить эту затею.

— Я согласился не привозить их без твоего разрешения! И Крайнову я пока не привёз.

— Какая предусмотрительность.

— Можешь издеваться, но документы посмотри. У Андрея после травмы сохранилась возможность двигаться, однако самостоятельно он так и не пошёл, а стандартное лечение в клинике лишило его последних сил! Случай Крайновой похож на твой хотя бы тем, что тело способно работать, а человек давно перестал ему доверять!

— Ты сравниваешь моё состояние с его, потому что очень хочешь найти сходство.

— Сравниваю результаты обследований! У тебя позвоночник восстановлен, мышцы ослабли, но работают, нервы проводят импульсы, а попытки насильно вызвать обращение ухудшали состояние. В его истории написано почти то же самое!

— Тогда отправь мои документы этой выпускнице и попроси дать заключение по переписке.

— Она не имеет права работать с тобой без разрешения комиссии.

— Прекрасно. Тогда вопрос закрыт.

Борис поднялся, обошёл стол и остановился рядом. Иван видел его отражение в оконном стекле и понимал, что друг не собирается уходить.

— Возможность есть, — сообщил Опорин. — Закрытая частная программа под ответственностью рода или организации с медицинской лицензией. Мы оформим всё через реабилитационный центр холдинга, предоставим оборудование и врачебный контроль. Комиссия не сможет обвинить её в подпольной работе.

— Ты уже придумал, где она будет меня лечить, хотя я отказался.

— В доме есть зал, бассейн и всё, что потребуется для начала. Если чего-то нет, купим.

— Заодно отремонтируй восточное крыло. Вдруг твоей целительнице не понравятся обои.

— Она реабилитолог.

— Мне безразлично, как называется очередной человек, который будет смотреть на меня и думать, почему я не могу сделать то, что обязан по его расчётам.

— Андрей говорит, что она так не смотрит.

— Андрей благодарен ей, потому что после десяти лет в кресле снова ходит! Я за него рад, но принимать каждое его слово за истину не собираюсь.

Борис прошёлся по кабинету, остановился возле книжного шкафа и провёл пальцами по краю полки. Обычно он начинал перебирать книги, когда подбирался к особенно неприятной теме и готовился сообщить то, за что Иван мог его вышвырнуть.

— Есть ещё одна причина встретиться с Крайновой, — начал Опорин. — Она не относится к лечению.

— Уже интересно. Я жду.

— Сначала обещай, что дослушаешь.

— После этой фразы мне хочется вызвать охрану заранее.

— Они всё равно меня не выгонят.

— Не будь так уверен. Я могу удвоить им зарплату.

— Платить придётся через меня, так что я просто не подпишу перевод.

Иван повернул кресло и долго смотрел на друга. Борис оставил книжный шкаф, вернулся к столу и сел, но папку больше не трогал.

— Ратников позвонил мне после последнего заседания, — сообщил он. — Совет опять обсуждал тебя, когда ты отключился.

— Пусть обсуждает. Через месяц получит моё заявление о сложении полномочий и сможет заняться делом.

— Никакого заявления не будет! Ратников пока не ставит этот вопрос на голосование, но ему нужны доказательства, что я не вру.

— О чём именно?

Борис потёр ладонью затылок и нахмурился. Иван ждал, чувствуя, как остатки терпения заканчиваются вместе с каждой секундой его молчания.

— Я сказал совету, что твой медведь вернулся.

— Ты рехнулся?! Когда?!

— Давно.

— Насколько давно, Борис?

— Через полтора года после нападения.

Иван оттолкнулся ладонями от колёс и подъехал ближе. Борис остался сидеть, хотя по его взгляду было ясно, что решение не вставать далось с трудом.

— Ты шесть лет врёшь роду, что мой зверь жив?!

— Почти.

— От моего имени?!

— Я не говорил, что ты поручил мне сообщить эту новость.

— Ты мой заместитель! Любое твоё заявление о состоянии главы воспринимается как официальное!

— Тогда совет требовал подтверждения, что ты сохранил право на титул! Врачи не могли дать заключение по зверю, ты отказывался появляться и разговаривать с кем-либо, кроме меня! Что я должен был сказать?!

— Правду!

— И через неделю получить решение о временной передаче власти? Род разорвали бы на части, пока старейшины выбирали подходящего медведя! Половина совета привела бы сыновей, племянников и братьев, а холдинг вместе с активами стал бы главным призом!

— Ты не имел права!

— Имел как заместитель, который удерживал управление, пока глава валялся в кровати и отказывался есть!

Иван схватил папку и швырнул её на пол. Листы разлетелись по кабинету, несколько страниц скользнули под стол, а снимок остановился возле ботинка Бориса.

— Вон отсюда!

— Дослушай!

— Ты лгал от моего имени шесть лет! Что ещё ты им рассказал? Что я по ночам бегаю по лесу и тайком проверяю границы земель?!

— Я говорил, что обращение даётся тяжело и врачи запретили нагрузку. Поэтому ты не появляешься лично, но продолжаешь восстанавливаться.

— Откуда тогда взялись сомнения?

— Прошло шесть лет, Вань! Совет устал ждать, а Ратников видит, что ты не собираешься возвращаться! Пришлось объяснить, почему ты избегаешь рода, хотя медицинских причин для полной изоляции уже нет.

Иван остановил кресло, вцепился пальцами в подлокотники и посмотрел Борису в глаза.

— Что ты придумал?

— Женщину.

Несколько секунд Иван пытался понять, не ослышался ли. Борис наклонился, поднял снимок и положил его на стол, упорно избегая взгляда друга.

— Какую ещё женщину?

— Твою.

— Мою кого?!

— Избранницу.

Иван рассмеялся, но смех сразу сорвался. Он придвинулся к столу и ударил ладонью по дереву.

— Ты сообщил родовому совету, что у меня появилась женщина?!

— Они требовали объяснить, почему ты не приезжаешь. Я сказал, что после нападения ты устал от внимания рода, встретил женщину и хочешь спокойно наладить личную жизнь, пока продолжается реабилитация.

— Когда ты это сказал?

— Около двух лет назад.

— И все два года они верят в женщину, которой никогда не существовало?!

— Верили. Теперь хотят её увидеть.

— Ты совсем спятил?!

— Не ори. Я прекрасно слышу.

— Я ещё даже не начал орать! Ты придумал мне женщину, два года рассказывал о ней совету и решил признаться только сейчас?!

— Я ничего о ней не рассказывал. Сказал, что ты запретил обсуждать личную жизнь и представишь избранницу, когда сочтёшь нужным.

— Очень удобно. И что случилось теперь?

— Ратников сообщил, что нужное время пришло. На следующем заседании ты должен показать её хотя бы по видеосвязи.

Иван отъехал от стола, провёл ладонью по щетине и снова посмотрел в окно. За семь лет Борис совершил немало поступков, которые хотелось припомнить ему во время особенно тяжёлой ссоры, однако выдуманная избранница превосходила всё.

— Позвони Ратникову и признайся, — потребовал Иван. — Сегодня же!

— Тогда придётся признаться и во всём остальном.

— Признавайся!

— Я сообщу совету, что твой медведь не возвращался, ты почти не ходишь и годами позволял мне вести дела, пока сам появлялся только на подготовленных видеозаседаниях? И заодно тогда объясню, что глава знал далеко не обо всех решениях своего заместителя.

— Не смей прикрываться мной!

— Я тобой не прикрываюсь! Про рассказываю, что произойдёт. Ратников немедленно потребует независимое обследование, временно ограничит твои полномочия и начнёт проверку каждого моего решения за шесть лет. Совет обвинит меня в намеренном обмане и фактическом захвате управления.

— Я подтверждаю, что все решения принимались с моего согласия.

— Те, о которых ты знаешь. Остальные я принимал сам, потому что ты неделями не открывал документы и посылал меня к чёрту вместе с холдингом и родом!

Иван знал, о каком времени он говорит. После последней попытки вызвать обращение прошло почти три месяца, прежде чем он снова открыл ноутбук и начал читать отчёты. Борис тогда приезжал каждый день, оставлял документы на столе и забирал нетронутыми, пока Иван не швырнул ему вслед первую папку. Друг молча поднял её, а утром привёз следующую.

— Ты мог рассказать мне раньше, — произнёс Иван. — Хотя бы о женщине.

— Чтобы ты приказал всё опровергнуть и отдал власть первому медведю, которого предложит совет? Ну уж нет! Я рассчитывал, что успею вернуть тебя раньше, чем ложь придётся доказывать!

— Семь лет не хватило?

— Пока нет.

Борис поднялся и начал собирать разбросанные листы. Он наклонялся за каждым, расправлял смятые края и складывал документы на стол, не прося помощи и не продолжая спор.

Иван смотрел на него и чувствовал, как злость понемногу уступает усталости. Опорин действительно лгал совету, сам принимал решения и прикрывал отсутствие главы. Он мог воспользоваться ситуацией, добиться временной передачи полномочий и уже несколько лет управ-

лять родом законно, однако продолжал приезжать, ругаться, приносить документы и заставлять Ивана участвовать в делах.

Теперь за эту преданность ему грозило обвинение в захвате власти.

— Ты приехал не признаваться, — сказал Иван. — У тебя уже есть план.

— Есть.

— Какой?

Борис положил в папку последний лист и сел.

— Крайнова приезжает как реабилитолог и проводит здесь курс. Для персонала, охраны и всех, кто связан с родом, становится твоей невестой. На следующем заседании садится рядом с тобой, ты обнимаешь её, представляешь совету и несколько минут изображаешь счастливого мужчину.

— Ты совсем охренел?

— Возможно. Но другого варианта у нас нет.

— У тебя нет! Я в создании этой проблемы не участвовал!

— Зато последствия получим оба.

— С чего ты решил, что неизвестная девчонка согласится участвовать в этом цирке?

— Ей нужна закрытая программа, чтобы продолжить работу и доказать действенность метода. Нужна помощь с комиссией, независимая экспертиза и пациент, состояние которого подробно зафиксируют до начала курса. Мы можем всё это обеспечить.

— А взамен она должна поселиться с калекой и притвориться, что хочет выйти за него замуж?!

— Никто не потребует от неё настоящего брака. Один видеозвонок, несколько недель в доме и соблюдение легенды перед персоналом. Потом курс заканчивается, вы объявляете, что не сошлись характерами, и спокойно расходитесь.

— Ты уже всё решил и за неё.

— Я собирался сначала решить с тобой.

— Очень любезно.

Борис открыл папку на первой странице и повернул к Ивану. С фотографии на него смотрела молодая блондинка с прямым каре, круглыми щеками и огромными голубыми глазами. Она казалась слишком юной для врача и слишком живой для дома, в котором годами менялись только сотрудники охраны и помощники Бориса.

Иван отвёл взгляд от фотографии и захлопнул папку.

— Нет.

— Ты даже не дочитал!

— Мне незачем читать. Найди актрису, если тебе нужна женщина для видеозвонка, а эту оставь заниматься комиссией.

— Актриса не проведёт курс и не станет жить здесь несколько недель. Ратников не идиот, он задаст вопросы и проверит всё, что сможет.

— Тогда найди опытного реабилитолога и отдельно актрису.

— Ты одного человека в доме терпеть не можешь, а предлагаешь поселить двоих?

— Я никого не предлагаю сюда селить!

— Поэтому Крайнова подходит. Она получает возможность работать, ты проходишь курс, а совет видит невесту. Если её методика даст хотя бы небольшое улучшение, род профинансирует центр для таких оборотней, как Андрей.

— Ты уже распорядился и моими деньгами?

— Пока озвучил хорошее вложение. Таких пациентов много, а специалистов, способных работать с потерей связи со зверем, почти нет.

— Она добилась пока только одного результата.

— Значит, проверим второй раз.

Иван положил ладонь на закрытую папку. Под пальцами ощущалась гладкая поверхность, а под ней лежали заключения, похожие на те, которыми семь лет заполнялись его шкафы. Врачи тоже писали о сохранённых импульсах, возможном восстановлении и необходимости системной работы, а затем разводили руками, когда ноги отказывались подчиняться.

Мельникову однажды вынесли такой же приговор. Теперь он ходил и обращался.

— Я не стану обещать ей результат, — предупредил Иван. — И не позволю использовать меня для спасения её диплома.

— Она тоже ничего тебе не обещает. Девчонка пока вообще не знает, что мы существуем.

— Тогда на каком основании ты решил, что она согласится?

— На основании её положения. Желających взять на себя такой риск быстро она точно не найдёт. А у неё всего неделя осталась на обжалование и ни одного места, где она может доказать методику.

— И ты собираешься купить её согласие?

— Предложить договор. Она прочитает условия и сама решит.

— А если откажется?

— Буду думать дальше.

Иван откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Боль в пояснице усилилась за время разговора, правое бедро ныло, а ступни опять начали мерзнуть, хотя в кабинете было тепло.

Он мог приказать Борису признаться и покончить с ложью. Через несколько дней совет ограничит полномочия главы, назначит проверку и, вероятно, отстранит Опорина. Тот потеряет должность и будет оправдываться перед людьми, которых шесть лет удерживал от борьбы за власть. Иван не собирался позволять ему отвечать одному.

— Один разговор, — сказал он. — Ты привезёшь её, я посмотрю документы и решу, способен ли терпеть эту девчонку дольше десяти минут.

Борис медленно улыбнулся и придвинул папку ближе.

— Я знал, что ты согласишься.

— Я ещё ни на что не согласился! Если она начнёт рассказывать о чудесном исцелении, жалеть меня или обещать вернуть медведя, вы оба вылетите из дома.

— Она не похожа на человека, который обещает чудеса.

— Ты с ней не разговаривал.

— Андрей разговаривал несколько недель и остался доволен.

— Андрей благодарен ей. Это мешает объективности.

— Зато ты будешь объективен за всех.

Иван открыл папку и посмотрел на фотографию ещё раз. Голубые глаза девушки казались слишком внимательными, а мягкая улыбка не сочеталась с рассказом о практикантке, которая пошла против руководителя и профессиональной комиссии.

— Невестой она станет только на время видеозвонка, — добавил он. — Никаких заявлений, документов и разговоров о настоящем браке. Она на двадцать лет младше...

— Согласен.

— Курс длится не дольше четырёх недель. Она живёт в гостевом крыле и не входит сюда без приглашения.

— Обсудим с ней.

— Это не обсуждается!

— Хорошо. Что ещё?

— Она не касается дел рода и не общается с советом без моего присутствия. Любые сведения о моём состоянии остаются в доме.

— Внесём в договор.

— Если мне станет хуже, курс прекращается в тот же день.

— Разумно.

Иван захлопнул папку и передал её Борису. Тот прижал документы к груди и поднялся, довольный настолько, что хотелось передумать хотя бы ради его разочарования.

— Когда ты собираешься с ней встретиться? — спросил Иван. — Через неделю, когда успеешь придумать ещё пару условий от моего имени?

— Сегодня позвоню Андрею и попрошу передать ей мои контакты. Если согласится поговорить, встречусь завтра.

— Сначала предложи только работу. О роли фиктивной невесты скажешь лично и сразу, без красивых сказок.

— Я умею вести переговоры.

— Именно поэтому у меня теперь есть выдуманная женщина.

Борис рассмеялся и направился к двери. Возле порога он остановился, посмотрел на папку и снова повернулся к Ивану.

— Вань, Мельников действительно ходит. Я сам видел. И медведя на записи тоже. Глянь.

— Иди уже.

— Ушёл. Только фотографию себе оставь, чтобы привыкал к невесте.

Борис вытащил первый лист и положил его на край стола, успев закрыть дверь до того, как Иван запустил снимком ему вслед.

Фотография ударилась о деревянную панель и упала возле порога лицевой стороной вверх. Девушка продолжала улыбаться, совершенно не подозревая, что Борис Опорин уже назначил её чужой невестой и собирался привезти в дом мужчины, который не желал ни лечиться, ни возвращаться к жизни.

Иван подъехал к фотографии, наклонился и поднял её.

— Даже не надейся, Александра Крайнова, — пробормотал он. — Дольше одного разговора ты здесь не удержишься.

## Глава 4

Третий отказ пришёл в половине десятого утра. Александра перечитала четыре вежливые строки, закрыла письмо и внесла название клиники в список организаций, которые не собирались связываться с выпускницей, успевшей лишиться допуска через три месяца после получения диплома.

На кухонном столе лежали копии медицинских заключений, характеристика с места практики и почти готовое заявление об обжаловании решения комиссии. Саша собирала документы второй день, исправляла формулировки, звонила преподавателям и одновременно искала возможность продолжить работу, однако все разговоры заканчивались одинаково: ей советовали дождаться аттестационного совета.

Прождать можно было до трёх месяцев. Денег после оплаты квартиры останется на несколько недель, а потом придётся искать любую работу, где никто не спросит про диплом реабилитолога и приостановленный допуск.

Саша открыла новое письмо и несколько минут смотрела на пустую строку адреса. Остались два небольших частных центра, но первый работал только с волками, а второй принадлежал роду, который вряд ли захочет нести ответственность за человека со спорной методикой.

Телефон зазвонил возле локтя, и на экране появилось имя Андрея Мельникова. Она сразу ответила, ожидая услышать, согласился ли его врач подготовить дополнительное заключение.

— Доброе утро. Удалось с ним поговорить?

— Поговорил, но звоню я по другому поводу. Ты сейчас можешь нормально разговаривать или опять пытаешься сделать пять дел сразу?

— Могу. Что случилось?

— Я вчера связался с Борисом Опориным и рассказал ему о комиссии. Он хочет с тобой встретиться.

Саша закрыла ноутбук и отодвинула его к краю стола. Фамилию Опорина она знала: очень крупный холдинг, самый сильный медвежий род и заместитель главы, который последние годы почти не появлялся на публичных мероприятиях.

— Зачем ты это сделал? Я просила только прийти на заседание и подтвердить результат лечения.

— Я приду и подтверждаю. Ещё принесу все обследования и позволю им хоть три часа выяснять, умею ли я ходить, но сидеть и ждать, пока тебя лишат профессии из-за меня, не собираюсь.

— Не из-за тебя, Андрей. Решение принимала я.

— Поэтому я и позвонил человеку, который может помочь. Опорин меня выслушал, проверил документы и попросил передать тебе его номер.

Саша поднялась из-за стола и подошла к окну. Во дворе женщина в яркой куртке торопила ребёнка, который останавливался возле каждой лужи и проверял глубину носком резинового сапога.

— Что именно ты ему рассказал? — спросила она. — Медицинские документы нельзя раздавать всем подряд.

— Свои можно, а твои я не отправлял. Сказал, что происходило в клинике и кто помог мне снова встать. Ещё сообщил, что готов выступить на заседании.

— И он сразу решил встретиться с неизвестным реабилитологом?

— Сначала решил, что я преувеличиваю. Потом увидел, как я хожу, и перестал спорить.

— Ты показывал ему обращение?

— Да. Я знаю Бориса много лет и доверяю ему, поэтому не смотри на телефон так, словно собираешься им меня ударить.

Саша невольно посмотрела на экран и усмехнулась. Андрей слишком хорошо изучил её за недели занятий и сейчас легко представлял каждое движение, хотя находился в другой части города.

— Я не люблю, когда за моей спиной договариваются о помощи, — сказала она. — Особенно с людьми, которые способны одним звонком решить вопрос, а потом потребовать плату за это.

— Он ещё ничего за тебя не решал. У него есть предложение по работе, и подробностей я не знаю.

— Какой работе? Мой допуск приостановлен.

— Вот это обсудишь с ним. Саш, я обязан тебе возможностью ходить и снова слышать медведя. Позволь мне хотя бы передать твой номер человеку, который готов выслушать. Если не он, то никто.

Она вернулась к столу и посмотрела на список отказов. Вчера Андрей согласился прийти на заседание, подготовить письменные показания и пройти независимое обследование, поэтому требовать от него ничего больше Саша не имела права.

— Передавай. Но я обещаю только поговорить.

— Конечно. Он не похож на человека, который будет тащить тебя на работу силой.

— Ты и про меня когда-то так думал.

— Ты слишком маленькая и пухлая. Кто же знал, что под белым халатом прячется командир?

Саша рассмеялась и отключилась. Через десять минут поступил звонок с незнакомого номера, а ещё через пять она уже записывала адрес центрального офиса холдинга и соглашалась приехать к двум часам.

До встречи оставалось достаточно времени, чтобы передумать, но Саша отправила два подготовленных письма, распечатала черновик обжалования и собрала в папку документы по методике, хотя Борис Опорин не просил ничего привозить.

Здание холдинга занимало почти целый квартал и заставило её дважды проверить адрес. За стеклянными дверями располагался просторный холл, где сотрудники проходили через турникеты по пропускам, а посетителей встречали две девушки за длинной светлой стойкой.

Саша назвала имя, получила гостевую карту и поднялась на двадцать первый этаж. Секретарь проводила её к кабинету без ожидания, распахнула дверь и сообщила хозяину, что Александра Крайнова приехала.

Борис Опорин поднялся из-за стола и вышел навстречу. Он оказался очень высоким, широкоплечим и заметно старше фотографии на сайте холдинга, хотя светло-карие глаза придавали серьёзному лицу добродушное выражение.

Медведя Саша почувствовала сразу. Зверь находился близко, прислушивался к ней и не проявлял ни раздражения, ни тревоги.

— Рад познакомиться, Александра. Проходите и садитесь, а ещё лучше зовите меня Борисом, иначе я буду постоянно оглядываться в поисках отца.

— Хорошо. Тогда я Саша, хотя в документах предпочитаю полное имя.

— Договорились. Чай, кофе или воду?

— Воду, пожалуйста. Я пришла прямо спросить, какую работу вы можете предложить человеку с приостановленным допуском.

Борис рассмеялся и передал ей бутылку воды. Потом вернулся за стол, но садиться в большое кресло руководителя не стал и устроился напротив Саши, оставив между ними только невысокий журнальный столик.

— Андрей предупреждал, что вы не любите тратить время. Тогда начнём с пациента, а к условиям вернёмся позже.

— Вы уже нашли пациента?

— Нашёл. Мужчина, сорок два года, медведь. Семь лет назад получил тяжёлые травмы и с тех пор не ходит сам. Только с помощью и очень редко.

Саша поставила бутылку на стол и достала блокнот. Борис заметил движение, но продолжил без улыбки.

— Позвоночник восстановлен, нервные импульсы проходят, мышцы сильно ослаблены, однако реагируют на нагрузку. Подняться он может с чужой помощью, сделать несколько шагов тоже, но почти полностью опирается на человека рядом.

— Боль сохраняется?

— Да. Поясница, правое бедро и иногда обе ноги.

— Причина травмы?

— Нападение. Подробности он расскажет сам, если захочет.

— Когда было последнее обследование?

— Несколько месяцев назад. Новое организуем до начала работы, если вы оба согласитесь.

Саша записала основное и подняла глаза.

— Почему предыдущая реабилитация не помогла?

— Первое время помогала. Потом результаты остановились, а специалисты начали менять программы и обещать больше, чем могли сделать. Один пытался вызвать обращение болью и едва не убил его.

Медведь Бориса шевельнулся, и Саша почувствовала тяжёлую ярость зверя. Сам мужчина сидел неподвижно, но в голосе появилась резкость, которая сразу объяснила, чем закончилась встреча того специалиста с другом пациента.

— Он давно не обращается? — спросила она.

— Семь лет. Считает медведя погибшим.

Саша опустила ручку. Оборотень мог потерять связь со зверем после тяжёлой травмы, долгой болезни или сильного потрясения, но полная тишина в течение семи лет встречалась редко. Если медведь действительно погиб, вернуть его не сможет ни одна методика.

— Вы уверены, что зверь жив?

— Уверен. Доказать не могу.

— Почему уверены?

Борис провёл ладонью по волосам и несколько секунд смотрел на её блокнот. Саша не торопила его и не пыталась угадать ответ по медведю, хотя зверь выдавал тревогу и упрямое нежелание принимать потерю.

— Я был рядом во время нападения, — сказал Борис. — Он спас меня и принял основной удар на себя. Его медведь продолжал драться после ранения, поэтому я не верю, что такой зверь мог исчезнуть.

— Вы тоже пострадали?

— Да, но восстановился. Мой медведь молчал четыре месяца, потом вернулся.

— Что помогло?

— Жена. Милана моя истинная, и всё время была рядом.

Саша записала ещё несколько слов. Сходство с историей Андрея действительно существовало, однако здесь к физическим последствиям добавлялась уверенность пациента в смерти зверя, а за семь лет она успела стать частью его жизни.

— Он сам хочет пройти курс?

— Нет.

— Тогда мы зря тратим время.

— Он согласился встретиться с вами.

— Встретиться и лечиться — разные вещи. Если человек не готов работать, никакие упражнения ему не помогут.

— Он работает, когда видит смысл. Убедите его, что смысл есть.

Саша закрыла блокнот и положила ручку сверху. Борис смотрел прямо, не пытался надавить и явно ждал вопросов.

— Вы говорите о нём как о трудном ребёнке, которого надо уговорить делать уроки. Мне нужен взрослый пациент, способный отвечать за свои решения.

— Поверьте, взрослого мужчины там хватит на троих. Он очень упрямый, властный и способен послать вас к чёрту через минуту после знакомства.

— Прекрасная рекомендация.

— Ещё он очень сильный. И телом, даже сейчас, и духом, хотя сам в последнее давно не верит. Семь лет боли, кресла и полной тишины вместо зверя сломали бы многих, а он продолжает управлять родом и холдингом.

Саша снова открыла блокнот.

— Родом? Кто этот мужчина?

— Иван Петрович Зверев.

— Кто?! — глаза Александры буквально полезли на лоб.

Иван Зверев возглавлял один из влиятельнейших медвежьих родов, владел огромным холдингом, в здании которого они сейчас сидели, и после нападения почти перестал появляться на публике. В редких деловых новостях встречались старые фотографии огромного черноволосого мужчины с тяжёлым взглядом и короткие сообщения об очередном заседании, проведённом по видеосвязи.

Официально глава восстановился и продолжал управлять родом. О кресле, постоянной боли и исчезнувшем медведе не знал никто за пределами нескольких доверенных людей. И Саша впервые об этом слышала.

Она несколько секунд смотрела на Бориса, ожидая, что он улыбнётся и назовёт другое имя. Опорин оставался серьёзным, а его медведь внимательно следил за её реакцией.

— Это шутка?! — спросила она. — Иван Зверев не может быть вашим пациентом!

— Почему?

— Потому что Зверев — это... Зверев! Он уже давно восстановился после нападения! Он проводит заседания, управляет компаниями и, насколько известно всем остальным, прекрасно себя чувствует! Я смотрю новости!

— Дела он действительно ведёт. Всё остальное известно людям с моих слов.

Саша опустила блокнот на колени и ещё раз оглядела кабинет, в котором они сидели. Огромное здание принадлежало Ивану Звереву, сотни людей работали на него, а Борис сейчас утверждал, что их глава не ходит, не обращается и вообще считает медведя погибшим.

— Подождите, — остановила она Бориса, когда тот собирался продолжить. — Вы хотите сказать, что все эти годы скрывали его настоящее состояние? И никто в роду не знает, что Иван Зверев передвигается в кресле?

— Знают лишь несколько человек, которым он доверяет. Для остальных Иван восстанавливается, управляет родом и избегает публичности по личным причинам.

— А теперь вы рассказываете всё мне? Человеку, которого увидели первый раз в жизни? Я только институт окончила! У меня приостановили допуск, а вы предлагаете лечить Зверева?!

— Именно поэтому я сначала проверил всё, что смог найти о вас и лечении Андрея Мельникова.

— Но почему я?! У Ивана Зверева могут быть лучшие врачи страны! Одного его звонка хватит, чтобы сюда приехал любой специалист! Любой!

— Я уже десяток находил. Они приезжали, но никто не помог, а некоторые сделали хуже.

— И после них вы решили обратиться к выпускнице с одним пациентом?!

— К специалисту, который вернул на ноги человека с похожей историей. Андрей доверил вам жизнь, а потом позвонил мне и попросил помочь сохранить вам профессию. Его мнение для меня много значит, но окончательное решение всё равно примет Иван.

Саша провела ладонью по обложке блокнота. Предложение по-прежнему казалось невероятным, однако Борис не шутил и не пытался проверить, как быстро молодая выпускница согласится на громкое имя и большие деньги.

— Иван Петрович знает, что вы раскрываете мне правду?

— Он разрешил пригласить вас на встречу и показать медицинские документы, если согласится на осмотр. Полную историю вы получите только от него и с его разрешения.

— Почему он не приехал на встречу сам?

— Потому что не выходит из дома и не собирается показывать кресло посторонним. К тому же эта встреча была моей идеей, как лучшего друга.

— Вы решили лечить его без согласия?!

— Я решил познакомить его со специалистом, которому удалось то, что остальные считали невозможным! Он согласился поговорить с вами и посмотреть программу.

— После чего выставит меня из дома.

— Скорее всего.

Борис улыбнулся, а Саша покачала головой. За его добродушием скрывалось такое упрямство, что становилось понятно, почему Иван до сих пор не избавился от друга, который годами приводил новых специалистов.

— Хорошо, — сказала она. — Допустим, после осмотра я решу, что могу помочь, а ваш друг согласится попробовать. Как вы собираетесь оформить работу?

— Закрытая программа на четыре недели под ответственностью рода. Вы получите доступ к оборудованию, врачебное сопровождение и право работать с одним пациентом до решения аттестационного совета. Все изменения будут фиксироваться независимыми специалистами.

— Комиссия должна одобрить программу заранее.

— Юристы подготовят документы, а медицинский центр холдинга возьмёт контроль на себя.

— А если результата не будет?

— Вы получите оплату за четыре недели и возможность представить совету полную историю курса в любом случае. Никто не потребует от вас обещать то, чего вы не можете гарантировать.

— А если будет?

— Род профинансирует центр, который вы возглавите в своей отрасли, сможете развивать методику и работать с оборотнями после тяжёлых травм. Андрей не единственный, кому отказались помогать после нескольких неудачных курсов.

Саша посмотрела на Бориса, пытаясь понять, на каком месте в этом предложении спрятана ловушка. Четыре недели работы с редким случаем, полная фиксация результатов, помощь влиятельного рода и возможность открыть центр выглядели слишком щедрой платой за попытку, которая могла ничем не закончиться.

— Что вы хотите взамен?

— Чтобы на время курса вы изображали невесту Ивана.

— У него есть невеста!

— Именно её и надо изобразить.

Саша несколько секунд ждала продолжения, но Борис замолчал. Она закрыла блокнот, убрала ручку и поднялась.

— Спасибо за воду. На этом, думаю, встречу можно закончить.

— Сядьте и выслушайте условия. Если после этого откажетесь, я больше не вернусь к этому вопросу.

— Вы пригласили меня обсуждать работу, а теперь предлагаете продать вам личную жизнь!

— Я предлагаю фиктивную роль на четыре недели! Никакого настоящего брака и никаких интимных отношений договор не предусматривает!

— Тогда зачем Ивану Звереву невеста?

— Род много лет ждёт его возвращения. Я объяснил затворничество восстановлением и женщиной, с которой он якобы строит отношения вдали от чужого внимания. Именно о ней вы слышали в новостях. Теперь совет требует увидеть её хотя бы по видеосвязи.

— Вы придумали главе рода женщину?

— Придумал.

Саша снова села, хотя собиралась выйти из кабинета ещё несколько секунд назад. Борис не выглядел смущённым, но медведь внутри него заметно беспокоился.

— А Иван Петрович знает о вашей выдумке?

— Узнал вчера. Отреагировал примерно так же, только папка с документами оказалась на полу.

— И после этого согласился участвовать?!

— Согласился встретиться с вами. До фиктивной помолвки ещё далеко.

— Почему вы решили, что я подойду на роль его невесты? Он старше почти вдвое!

— Вы будете жить в его доме во время курса, поэтому легенда станет правдоподобной для персонала и охраны. Только на заседании нужно будет сесть рядом, позволить ему обнять вас и подтвердить, что вы вместе.

— Всего лишь поселиться у самого Зверева и убедить его род, что собираюсь выйти за него замуж. Всего-то? Пустяки!

— Я понимаю, как это звучит.

— Сомневаюсь.

Борис наклонился и положил предплечья на колени. Веселье исчезло из его глаз, а медведь успокоился, прислушиваясь к разговору.

— Я много лет скрывал состояние Ивана, — сказал он. — Если ложь раскроется сейчас, совет начнёт процедуру передачи власти. Он готов отказаться от титула, лишь бы все оставили его в покое.

— А вы не готовы позволить ему уйти.

— Не готов. Он спас мне жизнь и убеждает себя, что вместе с медведем потерял право на всё остальное. Я хочу дать ему последний шанс вернуться.

— Поэтому нашли женщину, которой тоже некуда деваться?

— У вас есть выбор. Откажетесь от роли невесты — Андрей всё равно выступит на заседании, а наши юристы помогут правильно оформить его показания. Я не буду покупать положительный результат и не стану требовать молчания о незаконных действиях клиники.

Саша посмотрела на бутылку воды, к которой так и не притронулась. Предложение оставалось безумным, однако Борис не пытался прижать её к стене приостановленным допуском и не требовал благодарности за обещанную помощь.

— Если я соглашусь только лечить, закрытой программы не будет? — спросила она.

— Будет, если Иван согласится на курс. Условия фиктивной помолвки обсуждаются отдельно.

— Значит, вам проще найти другую женщину для видеозвонка.

— Иван постороннюю актрису рядом с собой не потерпит, а совет проверит любую женщину, которую он представит. Реабилитолог, живущий в доме и ежедневно находящийся с ним рядом, вызывает меньше вопросов.

— Удобно.

— Очень. Поэтому я и предложил.

Саша откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди. Борис не отводил глаз, не торопил и оставлял ей возможность закончить разговор.

— Я хочу знать всё о пациенте до подписания договора, — сказала она. — Результаты обследований, заключения предыдущих специалистов и полный перечень препаратов.

— Получите после согласия Ивана.

— Мне нужно провести осмотр и поговорить с ним без вашего вмешательства.

— Он и не позволит мне вмешиваться.

— Я сама решу, есть ли медицинские основания для курса. То, что случай похож на историю Мельникова, ещё ничего не доказывает.

— Согласен.

— Если он хочет только исполнить вашу просьбу и не собирается работать, я откажусь.

— Скажите ему это лично. Он оценит.

— Сомневаюсь, что после вашей подготовки мы вообще дойдём до осмотра.

Борис рассмеялся и поднялся. Он подошёл к столу, взял телефон и проверил календарь.

— Завтра в одиннадцать устроит?

— Я ещё не согласилась на ваши условия.

— На условия невесты — нет. Я спрашиваю о встрече с пациентом.

Саша посмотрела на папку, лежавшую у неё на коленях. Дома её ждали недописанное обжалование, список отказов и две клиники, которые с большой вероятностью добавятся к остальным. Здесь предлагали случай, ради которого стоило хотя бы увидеть пациента и понять, почему тело сильного оборотня семь лет отказывалось двигаться. Но это сам Зверев!

— Ладно. В одиннадцать устроит, — ответила она. — Я поговорю с Иваном Петровичем сама и проведу первичный осмотр, если он позволит.

— Я пришлю машину.

— Доберусь сама.

— Поместье находится за городом, общественный транспорт туда не ходит, а охрана не пропустит такси дальше ворот.

— Тогда пришлите адрес, я посмотрю маршрут.

— Хорошо. Машина будет ждать возле вашего дома в десять.

Саша прищурилась, но спорить не стала. Борис уже записывал что-то в телефоне и выглядел человеком, который счёл вопрос решённым.

— Я согласилась только на встречу, — напомнила она. — Не на курс, проживание и тем более не на фиктивную помолвку.

— Иван согласился на то же самое. Уверен, что он в тайне уже решил выставить вас после первого разговора, — хохотнул Опорин.

— Возможно, мы быстро найдём общий язык.

— Вот этого я и боюсь.

Борис проводил её до двери и передал визитку с личным номером. Саша убрала её в папку, попрощалась и вышла в приёмную.

Завтра они встретятся и решат, останется ли от безумного предложения Бориса хоть что-нибудь.

## Глава 5

Слишком дорогая чёрная машина ждала Сашу у подъезда ровно в десять, и Борис Опорин сидел за рулём сам, хотя она ожидала увидеть водителя. Он выбрался наружу, открыл перед ней пассажирскую дверь и окинул быстрым взглядом светлые брюки, синюю блузку и вместительную сумку, в которую Саша сложила всё необходимое для первичного осмотра.

— Доброе утро, Александра. Вы прекрасно выглядите! Иван Петрович сразу поймёт, что я нашёл ему лучшего специалиста, а не схватил первую попавшуюся девчонку на улице. Садитесь, нам ехать около сорока минут.

— Вы именно так собираетесь представить меня своему другу? — Саша устроилась на сиденье и поставила сумку в ноги. — Лучшим специалистом, которого встретили на улице?

— Конечно, нет. Я скажу, что вы талантливая, смелая и способная совершить медицинское чудо, а про улицу оставляю для следующей встречи, когда он немного привыкнет к вам и перестанет искать повод выставить нас обоих за дверь.

Борис уселся за руль, завёл двигатель и выехал со двора, продолжая говорить о том, что Иван не любит опозданий, долгих вступлений, неуверенных людей и слово «попробую». По его словам, несколько лет назад молодой начальник отдела имел несчастье пообещать Ивану Петровичу постараться подготовить отчёт к понедельнику, после чего целый час выслушивал лекцию о разнице между попыткой и результатом. Отчёт он принёс в воскресенье вечером, а через год возглавил одно из направлений холдинга и теперь сам доводил подчинённых до нервного тика тем же вопросом.

— Иван потом жаловался, что хорошего сотрудника испортили, — закончил Борис и усмехнулся. — Я напомнил, кто именно его испортил, а он заявил, что дурной пример не является оправданием.

Саша покосилась на него, не понимая, как можно болтать с таким удовольствием перед встречей, от которой зависело слишком многое. Ей хотелось ещё раз просмотреть выписки, восстановить в памяти последовательность тестов и решить, с чего начинать разговор с человеком, способным одним звонком закрыть перед ней последние двери. Борис рассказывал о его требованиях к сотрудникам, привычке читать все документы до последней страницы и умении находить ошибку в расчётах быстрее целого финансового отдела, а Саша ощущала, как раздражение понемногу вытесняет страх.

Вероятно, именно этого Борис и добивался. Он не задавал бессмысленных вопросов о её самочувствии, не советовал успокоиться и не обещал, что всё непременно закончится хорошо, потому что прекрасно понимал цену таким словам. Вместо этого рассказывал о живом человеке, с которым можно спорить, которого можно разозлить и которому однажды кто-то сумел доказать, что он ошибся.

— Он всегда такой? — спросила Саша, когда Борис ненадолго замолчал. — Даже с вами?

— Со мной особенно. Я слишком давно его знаю и не впечатляюсь грозным взглядом, поэтому ему приходится стараться. Если Иван начнёт на вас рычать, не пугайтесь и считайте это хорошим признаком, потому что я семь лет пытаюсь добиться от него хоть какого-нибудь рычания.

Саша опустила глаза на свои руки и разгладила большим пальцем край блокнота, который взяла с собой. После вчерашнего разговора она почти не спала и несколько раз собиралась написать Борису, что отказывается от встречи. Мысль о пациенте не пугала её, хотя его состояние обещало оказаться крайне сложным, зато имя пациента превращало обычный профессиональный страх в мучительную смесь восторга, неловкости и совершенно девичьей паники.

Иван Зверев появился на экране её старого телефона, когда Саше было десять. Тогда она ещё не знала, чем глава рода отличается от любого другого важного мужчины в дорогом

костюме, зато разглядела высокую фигуру, чёрные волосы и строгие глаза, от которых внутри всё перевернулось. В сюжете рассказывали о каком-то соглашении между крупными компаниями, а Саша запомнила, как Зверев говорил с журналистами и едва заметно улыбнулся, когда за кадром кто-то неудачно пошутил.

В следующие годы она находила статьи о нём, смотрела редкие интервью и сохраняла фотографии, хотя никому не признавалась, насколько ей нравится взрослый, недостижимый мужчина. В четырнадцать лет одна из его фотографий несколько месяцев стояла у неё на заставке телефона, пока подруга не заметила и не спросила, почему Саша выбрала себе мужчину старше собственного брата. Пришлось соврать, что она восхищается его деловой хваткой, удалить заставку и продолжить следить за новостями о Звереве уже осторожнее.

Со временем детская влюблённость перестала казаться важной, а Иван исчез из публичной жизни после нападения. Иногда попадались старые снимки или сухие сообщения о заседаниях рода, и Саша всякий раз задерживалась на них дольше, чем требовалось для обычного любопытства. Вчера Борис сообщил правду, и недостижимый мужчина, которого она привыкла видеть на экране, внезапно стал её возможным пациентом.

— Александра, вы меня слышите? — Борис бросил на неё внимательный взгляд и снова сосредоточился на дороге. — Если передумали, скажите сейчас. Я отвезу вас домой и придумаю, как объяснить Ивану, почему зря поднял его в такую рань.

— В одиннадцать утра?

— Для него сейчас любая встреча до обеда считается ранней. Вы не ответили.

— Я не передумала. Просто пытаюсь понять, смогу ли разговаривать с ним как с обычным пациентом.

— Не сможете, потому что обычным Иван никогда не был и уже точно не станет. Разговаривайте с ним как с упрямым мужчиной, которому нужна помощь, а если начнёт давить именем и положением, напомните, что на время курса его тело станет вашей работой.

— Вот так и сказать?

— Желательно при мне, я хочу увидеть его реакцию. Милане перескажу, а она наконец поверит, что у меня всё ещё есть смелость.

Саша рассмеялась и сразу почувствовала себя немного свободнее. Борис довольно улыбнулся, не пытаясь скрыть, что именно этого ждал, а потом свернул с трассы на дорогу, по обеим сторонам которой тянулся высокий лес.

— Спасибо, — сказала она. — Я уже начала злиться на вас за бесконечные разговоры.

— Злость полезнее паники. На Ивана тоже можете злиться, только не жалейте его, потому что жалость он замечает мгновенно и ненавидит. Он очень упрямый, иногда хочется долбануть его чем-нибудь тяжёлым, но он сильный, Саша. И телом, и духом. Сейчас ему самому трудно в это поверить, поэтому придётся какое-то время верить за него.

За воротами открылась длинная дорога к очень большому двухэтажному дому, сложенному из тёмного камня. Саша ожидала показной роскоши, однако увидела строгий фасад, широкие окна и ухоженную территорию без статуй, фонтанов и прочих доказательств богатства. Деньги здесь угадывались по качеству каждой детали, по охране у ворот, ровным дорожкам и тишине, которую не нарушал шум соседей или проезжающих машин.

Борис остановился у крыльца и первым вышел из автомобиля. Саша выбралась следом, поправила ремень сумки и подняла голову, оценивая расстояние до массивной входной двери.

— Последний шанс сбежать, — сообщил Борис, поднимаясь на первую ступень. — Через пять минут Иван увидит вас, через десять решит, что вы ему не подходите, а через пятнадцать вы объясните, что его мнение по этому вопросу вас мало интересует.

— Вы вчера говорили, что решение принимаем мы оба.

— Я часто говорю разумные вещи, но жизнь не обязана им следовать. Идёмте, пока он не решил, что вы опоздали. И тогда уже точно каюк.

В доме их встретила женщина средних лет, которую Борис представил Валентиной. Она поздоровалась с Александрой, сказала, что Иван Петрович ждёт в кабинете, и скрылась в коридоре, а Борис повёл гостью к широкой лестнице.

Рядом оказался лифт, искусно спрятанный за деревянными панелями, и Саша сразу отметила пологие переходы между комнатами, отсутствие порогов и широкие дверные проёмы. Дом приспособили для коляски тщательно, однако сделали всё возможное, чтобы эти изменения не бросались в глаза. Она с трудом удержалась от вопросов, потому что обсуждать пациента стоило после знакомства и с его разрешения.

Кабинет находился на втором этаже в конце длинного коридора. Борис шёл рядом и уже не пытался её веселить, а перед дверью остановился, повернулся к ней и заговорил тише:

— Он может быть резким. Не принимайте это на свой счёт и не позволяйте ему решать за вас, что вы способны выдержать. Если захотите отказаться после встречи, я отвезу вас домой и больше тревожить не стану.

— А если откажется он?

— Тогда я напомню, что он обещал хотя бы выслушать вас. Дальше всё зависит от того, сумеете ли вы заинтересовать его результатом.

Саша кивнула и обхватила ручки сумки, стараясь не думать о фиктивной помолвке, четырёх неделях в одном доме и необходимости изображать влюблённую женщину рядом с мужчиной, в которого когда-то действительно была влюблена. До разговора об этом ещё нужно было дойти, и сейчас перед ней находился пациент, чью историю скрывали семь лет.

Борис распахнул дверь и вошёл первым.

— Мы пришли, а ты даже не успел сбежать. Это успех! Иван, знакомься, это Александра Крайнова, о которой я тебе рассказывал.

Саша шагнула в просторный кабинет и увидела мужчину у большого окна. Он сидел в коляске, положив ладонь на подлокотник, и казался таким огромным, что кресло под ним выглядело обычным стулом. Чёрная рубашка подчёркивала ширину плеч и мощные руки, волосы были аккуратно подстрижены, а тёмная щетина на щеках делала жёстче знакомые черты, которые она столько раз разглядывала на фотографиях и тайком целовала экран телефона.

Он стал старше, под глазами залегли тени, а в скулах появилась резкость, которой не было на прежних снимках. Слабым Иван Зверев всё равно не выглядел, и Саша с трудом совместила рассказ Бориса о мужчине, неспособном подняться без помощи, с властной фигурой перед собой.

Чёрные глаза остановились на ней, и Александра забыла приготовленное приветствие. В десять лет она впервые увидела этого мужчину на экране, в четырнадцать тайком хранила его фотографию в телефоне, а в двадцать три стояла в его кабинете и понимала, что ни одна фотография не передавала его настоящего.

Сердце ударило тяжело, по коже прошла горячая волна, а где-то на границе восприятия возникло странное движение, которое она не смогла связать с молчащим зверем. Жалость к Ивану смешалась со старым восхищением, волнением перед первым осмотром и ошеломляющим женским интересом, а Саша заставила себя разжать пальцы на ручках сумки и подняла подбородок.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.